

Философия оперы

Солист Мариинского театра, лауреат многих международных престижных конкурсов, удивительный баритон, покоряющий мировые сцены, — рады представить нашего гостя Владислава Сулимского. А беседовали мы об искусстве в условиях современных реалий, знаках судьбы и секретах оперного пения.

Екатерина Афонина®

Выходец из Беларуси, будущий артист получил образование в Санкт-Петербургской государственной консерватории, впоследствии стал солистом Академии молодых оперных певцов Мариинского театра. С 2004 года Владислав Сулимский вошел в основной состав труппы. Особое место в репертуаре исполнителя занимают премьерные партии в операх Верди. За последние сезоны артист добавил в свой список заглавные партии в операх «Симон Бокканегра» и «Риголетто», а также Монфора в «Сицилийской вечерне» и Яго в «Отелло». За роль Симона Бокканегры в спектакле Мариинского театра Владислав Сулимский был удостоен театральной премии «Золотой софит» и номинирован на «Золотую Маску», роль комиссара Монфора принесла ему оперную премию «Онегин».

Солист исполнял роли в опере «Макбет» на фестивале в Савонлинне и «Золото Рейна» на Эдинбургском фестивале. Как приглашенный артист выступал в Большом театре в Москве и венском театре Ан дер Вин, пел на сценах Базеля, Мальмё, Риги, Далласа. С Мариинским театром гастролировал в США, Японии, Финляндии, Франции и Великобритании.

— Ваши контракты подписаны на год вперед, но часть из них пришлось отложить.

— Да, выступаю достаточно много, с каждым годом география расширяется, но нынешнее положение все поставило под сомнение. Много контрактов потерялось, и пока неизвестно, что будет дальше.

— Театров в мире немало, а Мариинка — одна, как вы сами не раз говорили...

— Мариинский театр, можно сказать, мой родной дом. В этом году исполнилось уже 20 лет, как я проработал на

сцене. И желания куда-то переезжать никакого нет, поскольку здесь меня все устраивает.

— Музыкальное образование начиналось со скрипки?

— Да, начинал со скрипки. Но не я ее выбирал, это дело рук моей бабушки, которая очень хотела, чтобы я был при деле, не бегал во дворе, не тратил попусту время, а занимался музыкой. К тому же я физически подходил под этот музыкальный инструмент — был довольно subtilным молодым человеком, а благодаря, наверное, футляру со скрипочкой меня ветер не уносил, хотя я не очень-то любил это занятие, учился играть из-под палки. Вообще-то, сам тогда хотел быть футболистом.

— А как пришли к оперному пению?

— Это была случайность. Проучился я всего девять лет, но не представлял себе будущее в качестве скрипача. В итоге на экзамене заработал неудовлетворительную оценку по скрипке. Из-за чего очень сильно расстроился, из музыкального училища пришлось уйти, ко всему прочему мне еще предстояло идти в армию. Тогда я встретил нашего завуча, и она предложила мне попробовать свои силы на вокальном отделении, потому что там недобор, и я рискнул. В результате прослушивания меня взяли сразу, поскольку оказалось, что у меня есть подходящие природные данные.

Мне повезло с педагогами. Очень важно, когда возле вокалиста есть человек с хорошим ухом. Мой первый учитель сразу услышал, что я баритон и вариантов быть не может.

— Как-то вы говорили, что ближе всего к правильному пониманию оперы стоит итальянская школа. Что такое «правильный оперный вокал»?

— Конечно же, итальянская школа — это главное, что должен постичь оперный певец. Жанр придумали итальянцы, первыми исполнителями тоже были они, и я считаю, для того, чтобы научиться петь правильно, нужно постичь сначала их фонетику, потом принцип звуковедения — дыхания и все это соединить. Это как плов готовить — ингредиенты нужно правильно подготовить, затем смешать, протомить. Это непростой процесс.

— Что в дальнейшем вам, уже состоявшемуся певцу, дало участие в мастер-классах Е. Образцовой, Д. Хво-

ростовского, В. Атлантова и других звезд оперной сцены?

— Вообще, у меня есть принцип — нельзя заниматься у одного педагога, нужно набираться опыта у многих. И необходимо брать от каждого то, что нужно именно тебе. Например, Дмитрий Хворостовский помог мне в раскрепощении на сцене, от Ренаты Скотто я вынес какие-то итальянские стилевые особенности. С маэстро Паоло Ди Наполи я больше занимался техникой, благодаря чему затем выиграл в Риме на конкурсе первую премию.

— Впервые с оперным искусством вы соприкоснулись в детстве благодаря пластинке «Евгений Онегин». И вот спустя годы вы уже сами стояли на сцене Большого театра. Как вы считаете, есть в этом какая-то связь? Верите в знаки судьбы?

— В знаки судьбы я верю, и это не только с оперой связано, было много разных ситуаций. Какая-то есть в этом связь — именно с оперой «Евгений Онегин». Неслучайно это была моя первая серьезная роль на сцене. Думаю, что это судьба.

— «Онегин» — классика на все времена. Как вы относитесь к ее осовремениванию? Год назад публика критиковала израильского режиссера-постановщика Евгения Арье за внедрение в постановку прогрессивных мотивов...

— В основном отношусь с пониманием, потому что уже много проработал постановок более-менее современных, во всем пытаюсь найти логическую цепочку, выстроить отношения с режиссером, но я считаю, все-таки есть нормы, определенные рамки. То есть

можно ставить и в современном ключе, только не переходя определенные границы. Я люблю традиционные постановки, конечно же, больше, чем современные. Но если все оправданно, без какого-то извращения, то я, может быть, предпочел бы работу с более интересным режиссером, с тем, кто приносит что-то новое. И я бы выделил оперы, которые, на мой взгляд, должны идти в традиционной трактовке, такие как «Мазепа», «Хованщина». Ведь в этих произведениях особый русский колорит, они передают русский дух. А при осовременивании музыкальный материал многое теряет.

— Ваш основной репертуар сегодня?

— Мой репертуар на сегодня — основные оперы русских и зарубежных композиторов, в основном итальянских. Одна немецкая опера и одна французская.

— Партия Томского в «Пиковой даме» в постановке Хайнса Нойенфельса на Зальцбургском фестивале принесла вам всемирную известность и оценена как выдающаяся артистическая работа. Чем отличаются выступления за рубежом?

— В принципе ничем. Ментальность немножко другая, но я не вижу для себя особой разницы в работе. Мне и здесь и там хорошо. В России ты дома, с семьей, не надо далеко куда-то ехать, за исключением Владивостока и Улан-Удэ, конечно.

— Вы сотрудничали с дирижерами Валерием Гергиевым, Туганом Сохиевым, Кери-Линн Уилсон, Александром Ведерниковым, Тимуром Зангиевым. С кем еще хотелось бы поработать?

— Очень многих на своем пути уже

«Риголетто»® Мариинский театр

встретил, хотелось бы – с Даниэлем Баренбоймом, с Антонио Паппано, еще раз с удовольствием бы посотрудничал с Мюнг Ван Чунгом (Мен Хун Чон), хотя было непросто работать с ним, но мне очень понравилось.

– Если не ошибаемся, самый любимый ваш композитор – Верди. Насколько, по-вашему, голос гармонирует с его музыкой?

– Да, это мой любимый композитор, хотелось бы исполнить все его оперы, в которых главная роль отведена баритону. Мне удобно его петь, и я не зря учился в Италии много лет и постигал пути понимания Верди – как его читать, как его петь, что значит агогика в музыке, *rubato* вердиевское, в котором мало кто понимает в наше время на самом деле.

– Какие партии вам бы еще хотелось исполнить на сцене?

– Спеть партию Луиджи в опере «Плащ» Пуччини. Это лишь мечта, потому что Луиджи – теноровая партия. Еще «Андре Шенье», может быть. А вообще мне хотелось бы «добить» всего Верди, у меня уже 13 его партий. И останется не так много. А из русского – мечтаю о «Князе Игоре» Бородина.

– Самое лучшее, что вы сами когда-либо слушали, сидя в зале?

– Это «Триптих» Пуччини в Мариинском театре. Я нечасто хожу в зал слушать, но оказался там и был под большим впечатлением от музыки, от игры актеров, от пения. Это было сильно и проникновенно.

– У вас бывает до 90 спектаклей в год. Как выдерживаете такой ритм?

– Да это нормально, в принципе было и больше. Когда привык к такому движению, уже ничего не остановит.

– Есть в вашей жизни что-то

не менее важное, чем сцена, на что переключаетесь, выходя из стен театра? Как восстанавливаетесь, чем вдохновляетесь?

– Это семья, дети. Выходя из театра после выступлений или репетиций, люблю выкурить сигару, выпить виски, коньячка, этим расслабляюсь.

– Владислав, не можем не спросить: как справляетесь с испытаниями нынешнего года?

– Испытаний и отмен – всего много, но я думаю, что все, что происходит в нашей жизни, не просто так. Пока есть возможность, отдохну сам, голос пусть отдохнет, чтобы с новыми силами в бой. В основном все выступления отменяются без возмещений, впрочем, как и у всех, что роптать? В нашем театре Валерий Абисалович Гергиев очень чутко отнесся ко всему и сказал, что поможет сотрудникам. Через неделю выплатил всем деньги, за что ему коллектив весьма благодарен.

Эта индустрия – великая, могучая – не может просто так исчезнуть и потеряться, уничтожиться. Поживем – увидим.

– Ближайшее мероприятие, на котором вас можно будет услышать, – концерт VII Международного фестиваля вокальной музыки «Опера Априори», который состоится 30 июля. Там вы исполняете заглавную партию ветхозаветного пророка в оратории Мендельсона «Илия». Как идет подготовка? Чем примечателен для вас этот образ?

– Да, это особый момент и для меня, и для любого обладателя баритона. Казалось бы, оратория не опера типа «Сицилийской вечерни» или «Дона Карлоса», но, столкнувшись с этим произведением, я понял, что все не так

просто – это особый сегмент в исполнении, нужно многое чистить технически, ментально. Мне повезло, что я успел позаниматься с людьми, которые владеют этим искусством, жанром, хорошо знают немецкий, и есть возможность подправить что-то, благо позволяет время. Конечно, тяжело, ведь нельзя репетировать с пианистом, только онлайн. Но ничего, как-нибудь сам справлюсь, надеюсь, что больше ничего не отменится, не перенесется. Хотелось бы исполнить это произведение.

Я никогда особенно не вдавался в библейские писания – здесь заинтересовался, прочел. Описание чудес попробую воплотить – этот божественный глас, веру в него донесу в своей музыкальной линии. У героев все четко прописано – прошения, гнев, безысходность – просто потрясающе. Даже слушая это сочинение в первый раз, я был в восторге. Хотя, казалось бы, такое не самое веселое, даже унылое местами музыкальное произведение, но так гениально сделано! Жаль, что так редко эта оратория исполняется в мире.

– Исходя из сегодняшних реалий, изменились ли ваши жизненные принципы? Можно озвучить один из главных?

– Конечно, изменились. Немного все приобретает какие-то материальные черты. Надо правильнее подходить к тому, что тебе дается, вернее расставлять приоритеты в жизни – что важнее.

– Традиционное пожелание читателям...

– Желаю, конечно же, беречь себя, быть здоровыми, счастливыми и заботиться о своих близких. И ценить время, которое нам дано.

«Чародейка» ©. Валентин Барановский / Мариинский театр

«Евгений Онегин» ©. Михайловский театр